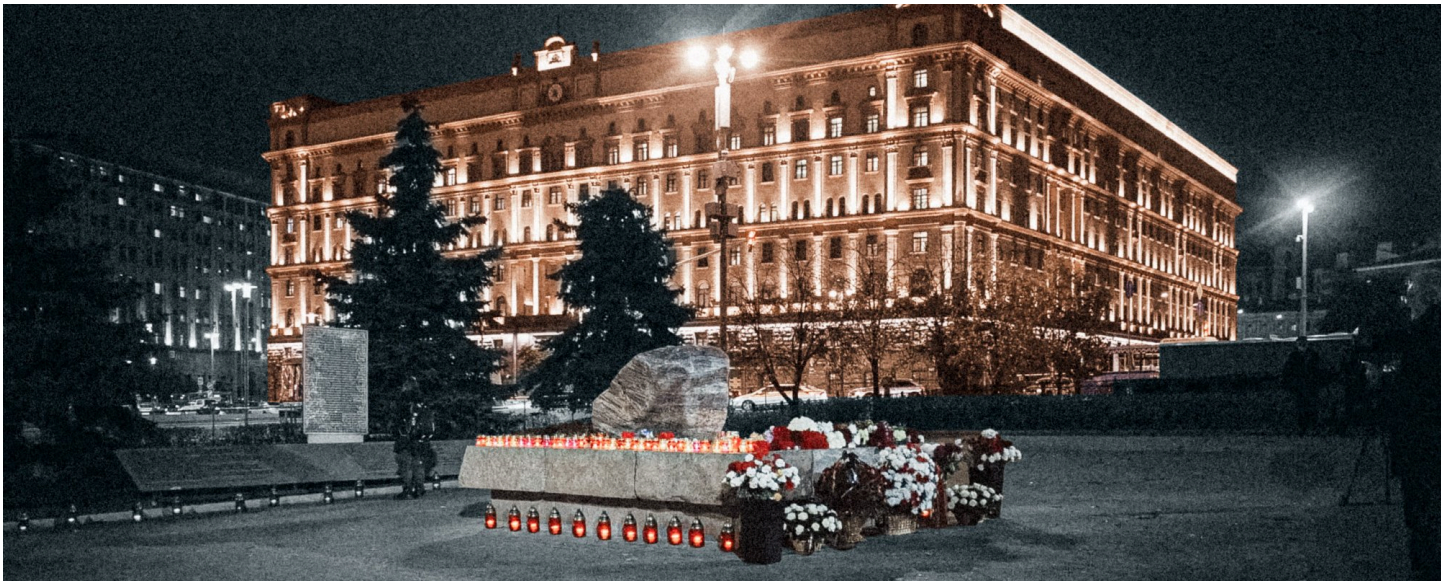

«Возвращение имен» на Лубянской площади в Москве, 2020 год / Коллаж: ОВД-Инфо / Фото: Аглая Гронас, Общество «Мемориал»

04.12.2024, 14:52 Вся Россия СТАТЬИ

Глава СПЧ Фадеев предложил убрать Соловецкий камень с Лубянки. Мы спросили представителей гражданского общества, что они об этом думают

Валерий Фадеев, глава Совета по правам человека, предложил перенести с Лубянской площади Соловецкий камень — один из самых значимых памятников жертвам советских политических репрессий. Это гранитный валун, который привезли с Соловецких островов, где некогда был лагерь особого назначения. По мнению Фадеева, акции памяти жертв около Соловецкого камня

становятся «упреком тем людям, которые сидят в здании на Лубянке». Также Фадеев считает, что проект «Последний адрес», который устанавливает таблички на домах жертв репрессий, «тычет убийствами в физиономии».

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«Если государство оскорбляет память невинно им убитых, оно сваливается в террор»

Николай Эппле. Филолог, переводчик, исследователь исторической памяти:

Заявление главы СПЧ, на мой взгляд, даже на фоне многочисленных пробивающих морально-юридическое дно выступлений представителей российской власти

поражает своей откровенностью. По его словам, акции у Соловецкого камня — это «как бы упрек» сотрудникам ФСБ, и, чтобы щадить чувства таких ранимых сотрудников Лубянки, камень следовало бы перенести. Фактически он говорит: напоминание о преступлениях, которые совершили НКВД, МГБ, КГБ, неприятно сегодняшним сотрудникам ФСБ, потому что они мыслят себя продолжателями того же самого дела.

Кажется, такое противоречие должно бы решаться оргвыводами в адрес этих сотрудников и их ведомства и переносом в другое место не мемориала, а офиса спецслужб (в здании которого, по-хорошему, должен был бы располагаться музей истории советского политического террора), но — ничуть не бывало.

Помнится, сравнительно недавно, в 2019 году, [акцию] «Возвращение имен» на Лубянке открывала уполномоченный по правам человека Татьяна Москалькова — она и сегодня занимает эту должность, между прочим, генерал-майор полиции. В присутствии, кстати, того же Фадеева [открывала]. Она говорила тогда, цитирую по ТАСС, что «нужно находить мужество для того, чтобы осуществить государственное покаяние за те злодеяния, которые были осуществлены органами власти в годы репрессий... И это всегда назидание другим поколениям, молодым сотрудникам правоохранительных органов, что никогда неправда и отступление от закона и совести не проходит даром».

Валерий Фадеев принимает участие в акции «Возвращение имен» у Соловецкого камня в Москве, 29 октября 2019 г. / Фото: СПЧ РФ

То есть в 2019 году омбудсмен и генерал МВД признает, что камень, служащий напоминанием сотрудникам о преступлениях их коллег и призывом не отступать от закона и совести, — это хорошо и правильно, а в 2024 году этот же призыв для них невыносим. Что это, если не признание открытым текстом, что «неправда и отступление от закона и совести» снова неотъемлемы от обязанностей российских сотрудников правоохранительных органов?

Память о мертвых и о преступлениях прошлого — очень важная и тонкая вещь. При обсуждении концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий в 2015 году об этом много говорилось. Прославление Сталина и других палачей, глумление над памятью о жертвах не просто дурно с моральной точки зрения — это провоцирует социальную напряженность в обществе, сказывается на поддержке власти и доверию государству и его институтам.

Если государство решается плевать на эти вещи и оскорблять память невинно им убитых (а вандализация

табличек «Последнего адреса», захоронений в Сандармохе и осквернение других мест памяти о советском государственном терроре, набирающие силу в последние два года, — это именно оскорбление памяти жертв), значит, государство откровенно сваливается в террор. В общем, не новость. Но это уже очень похоже на официальную декларацию.

Предложение убрать мемориал убитым, потому что их память смущает наследников палачей, снять таблички, напоминающие о невинно убитых, потому что они мешают горожанам радоваться жизни и любить вождей, — это глумление над мертвыми и заход на территорию уже метафизическую.

Социальные законы призваны уравновешивать самочиние. Оставаясь в их рамках, мы можем контролировать хаос. Выходя за их пределы и поднимая руку на законы метафизические, на память о невинно убитых, мы лишаем себя защиты конвенциональных законов и рискуем обрушить на себя небо, как говорил английский писатель и богослов Клайв Льюис. Когда власти колонии, где был убит Алексей Навальный, с санкции властей страны отказывались выдавать матери его тело, в соцсетях цитировали «Антигону» Софокла, трагедию о том, что, отказывая в почтении умершим, правитель навлекает на себя кары не человеческие, а божественные.

Как мы помним, тело Навального матери в конце концов отдали. Надеюсь, они одумаются и на этот раз, если нет — им же хуже. Соловецкий камень уже однажды свалил советскую власть, это довольно серьезный символ — именно потому, что символизирует законы человеческие и метафизические.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«Какой-то части людей это нужно. И ее необходимо уважать»

Оксана Матиевская, режиссер, участница движения «Последний адрес»:

Что-то похожее Валерий Фадеев уже говорил и высказывал отношение к проекту «Последний адрес», поэтому неожиданности здесь никакой нет. Он повторяет то, что уже говорил. Поэтому никакой острой реакции с моей стороны уже нет. Удивительно, что об этом говорит глава Совета по правам человека. Ну, видимо, такое общество, такой совет, такое время. Проект «Последний адрес» не сильно зависит от мнения Фадеева и любого другого чиновника, поскольку это низовая гражданская инициатива, которая работает на горизонтальных связях.

Не фонд «Последний адрес» решает, где будут установлены таблички и сколько их там будет стоять. Мы получаем заявки [на установку табличек] — сколько заявок мы получим, столько и пробуем установить. Должна быть инициатива со стороны человека, который хочет установить памятный знак и готов оплатить изготовление. С другой стороны, собственники здания — жильцы или какая-то организация, если это не жилой дом, — должны пойти навстречу и согласиться с тем, что там будет табличка. И вот там, где инициатива встречает согласие, появляются таблички «Последнего адреса».

В этой цепочке нет чиновников, властей, распоряжений или директив. Общество само в состоянии решить, в какой форме оно хотело бы сохранить память о невинно убиенных, — это его неотъемлемое право. Вообще говоря, власть должна была бы прислушиваться к запросу, который есть в обществе. У нас есть около трех тысяч заявок на установку табличек по всей России, а установлено — немногим больше тысячи, в Москве — около семисот.

То есть мы даже не успеваем, потому что это достаточно долгий процесс. Мы обязательно проверяем все документы — за информацию, которая будет на табличке, мы несем ответственность. Переговоры тоже не всегда бывают молниеносными. Иногда нужно подождать, чтобы люди подготовились и пришли к общему решению. Если есть заявки, значит, какой-то части людей это нужно. И эту часть необходимо уважать.

Безусловно, [высказывание Фадеева] это показательно, потому что атака на таблички «Последнего адреса» длится уже полтора года. Они исчезают в Москве, Петербурге и в других городах. Но ни от московских властей и правоохранителей, ни от культурных или общественных деятелей на такой наглый и показательный вандализм не слышно вообще никакой реакции. Никто не встал

на защиту — ни депутаты Мосгордумы, ни муниципальные депутаты. Следующий шаг — когда чиновник такого большого уровня высказывается совершенно бесстыдно.

Демонтированные таблички «Последнего адреса» в Москве, май 2024 / Фото: Александр Гронский, Facebook

Не глумиться над памятью невинно убиенных — это должно быть в базовых моральных нормах. Если форма тебе не очень нравится, ты можешь в этом не участвовать, никто же не обязывает приходить на церемонии [памяти]. Но ты видишь людей, для которых это важно, которым это дорого — нужно хотя бы уважать их право на свою память и уважать право общества искать формы, которые как-то приживутся.

10 декабря будет десять лет с тех пор, как первые таблички появились в Москве, — это Международный день прав человека. Десять лет существования проекта говорит о том, что он прижился. Таблички стали узнаваемы. Большой театр брал эту табличку для афиши оперы «Один день Ивана Денисовича». Об этом говорит и ответная

волна картонных табличек, которые появляются на стенах, — их делают волонтеры, обычные жители домов и районов. Это делает не «Последний адрес», просто люди видят эти шрамы, которые остаются на стенах после снятия таблички, и им больно на это смотреть.

Никакой фонд или проект не сможет навязать обществу то, что в обществе не приживается.

[Соловецкий камень] мозолит глаза, сам Фадеев говорит: вы, мол, хотите в чем-то обвинить людей. Современных обитателей Лубянки достаточно странно обвинять в том, что происходило 80 лет назад, но государственные преступления не названы преступлениями до сих пор. Сегодняшняя ФСБ считает себя преемником НКВД и КГБ — это всегда видно в их кабинетах. Разумеется, это создает определенную проблему и совершенно не гарантирует нам невозвращения таких практик. Ну, отчасти, в общем, мы их и наблюдаем.

На камне, который лежит в сквере на Лубянской площади, написано, что он привезен с Соловков и установлен обществом «Мемориал» в День политзаключенного — 30 октября 1990 года. Надо знать историю этого дня и понимать, почему там так написано и почему теперь эта надпись стала сильно раздражать, почему происходят атака на «Мемориал» и подмена Дня политзаключенного Днем памяти жертв политических репрессий.

30 октября — это день солидарности с политзаключенными. Потому «Мемориал» всегда проводил свои акции накануне — 29 октября вспоминали жертв политических репрессий, 30 октября — день солидарности с нынешними политзаключенными, которые, к сожалению, тоже есть, и их становится все больше.

Фадеев говорит, что он приехал к памятнику на Садовом кольце, чтобы возложить цветы, там не было никого,

а люди почему-то пришли на Лубянку. Думаю, это желание руководить тем, что должны делать люди. Желание взять все под контроль и не дать обществу самому организоваться и решать, что он хочет делать и что считает важным. Но общество в ответ говорит: это наш город, и мы будем ходить к тем памятникам, к которым нам важно приходить. Значит, у нас сложилась традиция, и не надо ее ломать.

«Изничтожить народные практики памяти»

Сергей Давидис, юрист, правозащитник:

Господин Фадеев, несмотря на название своей должности, давно уже превратился в апологета репрессий и нарушения прав человека. Его разнообразные заявления очень явно об этом свидетельствуют.

Можно брать любой вопрос, оценивать, как на него стоит реагировать с точки зрения приоритета прав человека и развернуть на 180 градусов — именно такой ответ на эту же проблему даст господин Фадеев. Дива тут никакого нет. В то же время он является руководителем декоративного органа, никакой государственной защиты прав человека при Путине нет, уж точно не этим советом права защищаются, и решения он не принимает. Поэтому

это скорее, в общем-то, факт, компрометирующий господина Фадеева.

Другое дело, что, высказываясь, он пытается, как многие другие чиновники и депутаты, держать нос по ветру и предвидеть то, что от него хочет услышать вышестоящий. Вполне вероятно, что он угадал правильно и независимые от государства народные практики памяти хотят изничтожить и заменить их казенными.

С другой стороны, здесь проглядывается демонстрация нарочитой лояльности ФСБ, которая становится все более ключевым органом в системе путинской власти. [Желание] убрать неприятных чекистам людей от их здания, подальше на Садовое кольцо, в не намоленное место, зато открытое Путиным и санкционированное государством.

Эти высказывания вписываются в то, что сейчас происходит в России. Разгром «Мемориала», массовое нарушение прав человека, отказ от соблюдения и тех норм, в которых Российская Федерация еще осталась, и тех, из которых вышла с нарушениями. Конечно, это не Российская Федерация, а те люди, которые имеют наглость от ее имени говорить.

Я не думаю, что значимую часть общества в России интересует, где проводятся памятные акции, посвященные жертвам сталинских репрессий. Собственно, они уже давно не проводятся в силу запретов государства, и разрушительного для путинской системы значения эти акции не имеют. Поэтому это скорее попытка господина Фадеева уловить, куда дует ветер, и первым крикнуть.

Сама по себе пропаганда, конечно, имеет эффективность, и существенная часть общества, которая сама по себе не привержена исторической памяти, правам человека, уважению к личности, конечно, принимает то, что насаждает государство. В этом смысле у большинства [его высказывания] никакого протеста не вызвали. Но нет

и запроса, чтобы помешать немногим оставшимся, которые публично демонстрируют знаки памяти и уважения жертвам репрессий, продолжать это делать в Лубянском сквере.

Все-таки это личная инициатива господина Фадеева, которая лежит в русле общегосударственной политики, но не является ее значимой частью. Он пытается встроиться и извлечь какие-то личные дивиденды, чтобы быть замеченным и одобренным свыше.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ